

Культура и идентичность

УДК 008

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Интеллектуальная среда как объект исследования: факторы развития и точки уязвимости

Алла Григорьевна ГЛИНЧИКОВА

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: alla.glinchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4198-2018

ЦИТИРОВАНИЕ: Глинчикова А.Г. Интеллектуальная среда как объект исследования: факторы развития и точки уязвимости // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 146–166.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Статья поступила в редакцию 09.10.2023.

Исправленный текст представлен 27.11.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается понятие интеллектуальной среды как сообщества людей, нацеленного на создание интеллектуально-творческого продукта и связанного определенным коммуникативным полем. Это сообщество рассматривается как кумулятивный субъект производства инновационного продукта, как часть общественного пространства, отвечающая за производство, обмен, распределение и воспроизводство интеллектуальных ресурсов. В статье представлен обзор существующих подходов и понятий, используемых для исследования данного феномена, таких как *epistemic community*, *intellectual milieu*, *knowledge society*, *Information society*, *knowledge economy*, *free-floating intelligentsia*, *human capital*, *intellectual capital* и др. Рассматриваются базовые факторы, способствующие эффективному развитию интеллектуальной среды: социально-политический,

экономический, коммуникативный, социокультурный. Особое внимание уделено специфике российской традиции становления интеллектуальной среды, выявляется прерывистый и нелинейный тип ее эволюции как в отношении к глобальной интеллектуальной среде, так и по отношению к своим собственным интеллектуальным корням и традициям. Подчеркивается специфический двойственный характер интеллектуального поля России, связанный с особенностями процесса ее модернизации. Высказана мысль о двух возможных векторах развития глобальной интеллектуальной среды: сегментивном и интеграционном – как важной дилемме современной международной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интеллектуальная среда, интеллектуальное поле, интеллектуальный капитал, глобальная интеллектуальная среда, сегмен-

тивный тип развития, интегративный тип развития, интеллектуальная среда России, факторы развития интеллектуальной среды, интеллектуальный продукт, культурная традиция.

Понятие «интеллектуальная среда» в социально-политическом измерении

Предыстория вопроса

Понятие «интеллектуальная среда» нельзя назвать устоявшимся. В литературе мы встречаем такие термины, как «интеллектуалы» (*intellectuals*), «поле символического производства», *epistemic community*, *intellectual milieu*, *human capital* и др.¹ Однако идея о том, что интеллектуальная сфера является, с одной стороны, особым, весьма специфичным кластером современного общества, а с другой стороны, его важнейшим измерением, значение которого динамично нарастает, не нова. Если исследование интеллектуальной среды в рамках «социологии знаний» начала века (Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Л. Флек) фокусировалось на вопросах получения и передачи знаний, то исследователи второй половины XX в. (М. Фуко, П. Бурдьё, К. Леви-Стросс) занялись исследованием конструирования и «производства» интеллектуальной среды как таковой [Barnes, 2014; Knowledge and Flexibility..., 1988; Foucault, 1980].

Одни ученые предлагают определять современное общество как «общество знания» (*Knowledge society*) либо «информационное общество» (*Information*

society) [Bell, 1972; Castels, 2010; Stehr, 2018; Webster, 2014]. Экономисты предлагают исследовать интеллектуальную среду как особое, специфическое пространство со своими законами «производства» (*knowledge production*), «воспроизводства» (*knowledge reproduction*), «распределения» (*knowledge dissemination*), «потребления» (*knowledge consumption*), весьма отличными от сферы создания материального нетворческого продукта, и используют при этом такие понятия, как «информационная экономика» (*information economy*) либо «экономика знания» (*knowledge economy*) [Rubin, Huber, Taylor, 1986].

Политологи и экономисты ставят вопрос о политической природе интеллектуальной сферы: является ли она сферой частно-индивидуальной или общественно-публичной; а вместе с экономистами они ставят очень важную проблему социальной специфики интеллектуального продукта: является ли он просто еще одним товаром (*commodity*), наряду с другими, или он имеет совершенно особую социальную природу и является исключительно общественным благом (*social good*) по типу своего воспроизводства и потребления.

Интеллектуальная среда становится объектом исследования и со стороны философов, которых прежде всего интересует ее природа, они с особым вниманием начинают анализировать ее функцию по конструированию реальности [Berger, Luckmann, 1967; Luhmann, 1990]. Разумеется, первое, что бросается в глаза при исследовании интеллектуальной среды – это то,

¹ На сегодняшний день существует огромное множество понятий, которые в том или ином аспекте подступаются к теме интеллектуальной среды: *noosphere* (ноосфера), *knowledge society*, *intellectual milieu*, *information society*, *knowledge economy*, *information economy*, *knowledge production*, *knowledge disseminating operations*, *knowledge system*, *collective representations*, *social categories*, *collective mentalities*, *shared assumptions*, *the Leisure Class*, *keepers of esoteric knowledge*, *classless stratum*, *free-floating intelligentsia*, *scientific establishments*, *cultural capital*, *knowledge holders*, *habitus*, *epistemological communities*, *micro-spaces*, *intelligentsia*, *men of letters*, *clergy* и др.

что ее продуктом является «знание», поэтому исследование интеллектуальной среды для многих выступает как исследование сферы производства, распределения, потребления именно знания. И тут, по мере изучения, выясняется, что сфера «знания» постоянно развивается, проходит различные этапы, циклы в ходе своей эволюции.

Рональд Инглетарт предлагает особые принципы оценки эффективности вложений в развитие интеллектуальной среды, рассматривая ее как сферу качественного роста, разрабатывает показатель индекса развития человеческого потенциала. Мишель Фуко вводит понятие «археология знания» как важный новаторский инструмент дерутинизации исследования интеллектуальной среды. Свою социологическую методологию исследования интеллектуальной среды как «сферы академического» предлагают Пьер Бурдьё и его последователи и ученики в теории полей [Bourdieu, 1984]. Поскольку интеллектуальная среда рассматривается как «система знания» (*knowledge system*), ее эволюцию предлагают исследовать сквозь призму описания систем знания прошлого либо «иных систем», чтобы увидеть ее ограничения [Fleck, 1981; Worsley, 1956].

На рубеже XX и XXI вв. в развитие идеи полей П. Бурдьё появляются теории «новой интеллектуальной среды» в концепциях Ж. Сапиро и Л. Тевено, в которых особую остроту приобретает тема места интеллектуальной среды в пространстве между государством и предпринимательством [Сапиро, 2011]. А. Тоффлер и М. Кастельс исследуют влияние новых информационных технологий на изменение природы интеллектуальной среды в эпоху глобализации.

Наконец, под влиянием новой консервативной волны появляются так называемые новые правые интеллек-

туалы, которые на первый план ставят тему неоконсервативного поворота в политических ориентациях интеллектуальной среды с нарастанием религиозного и традиционалистского компонента [Johnson, 2007; Gitlin, 2007]. В концепции Стива Фуллера возникает идея смещения ядра интеллектуальной среды от академической сферы к практической [Фуллер, 2021].

Особое место в исследовании природы интеллектуальной среды и творческого процесса в целом занимают концепции российских и советских интеллектуалов. В.И. Вернадский и Л.С. Выготский в первой половине XX в. разрабатывали «теорию ноосферы» и культурно-историческую концепцию формирования интеллектуального процесса [Вернадский, 1991; Выготский, 1996]. Во второй половине XX в. интеллектуальная среда исследовалась в работах Э. Ильенкова, которого интересовали проблемы формирования и эволюции «идеального», а также методология исследования интеллектуальных процессов [Ильенков, 1984]. Много внимания творческому кластеру было уделено в работах Г. Батищева, посвященных деятельностному аспекту развития интеллектуальной среды и проблеме отчуждения в этой сфере [Теория познания..., 1991]. Предпринимались определенные попытки анализа социально-политических особенностей этого кластера, его политического сознания в работах Г. Дилигенского, Ю. Лотмана [Дилигенский, 2002; Лотман, 1992]. На рубеже XX–XXI вв. тема интеллектуальной среды с точки зрения различных ее аспектов исследовалась в работах А. Аузана [Аузан, 2017], А. Глинчиковой (например, [Глинчикова, 2007]), Л. Фадеевой [Фадеева, 2012], С. Белякова, Т. Клячко [Беляков, Клячко, 2013], Е. Вишленковой, О. Запорожец [Сословие..., 2013] и многих других авторов.

В современной российской литературе термин «интеллектуальная среда» используется всё чаще и набирает популярность как в работах, посвященных бизнесу и менеджменту в инновационных сферах, так и в статьях, анализирующих интеллектуальное пространство как специфическое социальное поле, включающее в себя сферы образования, науки, культуры, то есть сферы, нацеленные на воспроизводство творческого потенциала общества.

На сегодняшний момент тема интеллектуальной среды приобретает новое, особое звучание, поскольку это именно та сфера жизни общества, от успешного развития которой будет зависеть не только позиция страны в непростой политической ситуации, но и само выживание нашего общества. Важнейшим приоритетом складывающегося сегодня нового мирового порядка будет создание условий для дальнейшего развития глобальной интеллектуальной среды, и от стратегии каждого государства будет зависеть то, какое место для своего общества оно сможет обеспечить в этом глобальном интеллектуальном пространстве. А для формирования такой стратегии необходимо четко определить те факторы, от которых зависят эффективное развитие и воспроизводство интеллектуальной среды.

Интеллектуальная среда как особый социальный кумулятивный субъект

Для начала важно понять, почему из всех возможных вариантов мы выбираем именно термины «интеллектуальная среда», а не, скажем, «интеллектуальный капитал» или «человеческий капитал», которые часто используются при анализе интеллектуальной среды.

Не отрицая значимости рассмотрения интеллектуальной сферы, отмечая ее особое место в стоимостных,

рыночных отношениях, мы исходим из того, что, прежде чем использовать с прибылью ее продукты, необходимо воспроизводить, формировать, расширять и поддерживать ту социальную коммуникативную основу, которая является важнейшим условием их появления. И коль скоро нас интересует именно этот аспект исследования интеллектуального пространства, мы используем понятие «среда». Любопытно, что в России именно этот «средовой» подход к анализу интеллектуального пространства в последнее время всё больше набирает популярность.

В самом общем и предварительном определении интеллектуальная среда – это то коммуникативно-социальное пространство, которое либо позволяет актуализацию творческого потенциала общества, либо препятствует ей, и в этом своем качестве выступает как важнейшая предпосылка и одновременно составная часть субъекта производства инновационного продукта, субъекта творческого труда. В определенном смысле всё человечество является интеллектуальной средой, как и всякий отдельный человек, коль скоро он является творцом, изобретателем, постоянно осваивающим, создающим и применяющим «новое» в своей непосредственной деятельности. Но в ходе общественного развития происходит специализация деятельности людей, при которой только малая (хотя и неуклонно нарастающая) часть человечества имеет время и возможность профессионально заниматься интеллектуально-творческой деятельностью и создавать творческий продукт, имеющий общесоциальную значимость. Именно эта часть человеческого сообщества, непосредственной и исключительной функцией которой является создание инновационного, творческого продукта в разных сферах общественной жизни,

и может быть определена как интеллектуальная среда в более конкретном интересующем нас смысле этого слова. Таким образом, речь идет о части общественного пространства, отвечающей за производство, обмен, распределение и воспроизводство инновационных/интеллектуальных продуктов и рабочей силы творческого труда. Нас интересует социальная природа этого сообщества, его специфика, динамика его места в социальном процессе, его социальные границы, его отношения с другими «средами», выполняющими иные функции по обеспечению жизни общественного целого, факторы, способствующие и препятствующие его развитию.

Интеллектуальная среда включает в себя и институциональный компонент: учебные заведения разного уровня (дошкольные учреждения, школы, университеты); научные учреждения (академии, научно-исследовательские институты); научно-информационные учреждения (журналы, порталы, информационные каналы, телевидение, радио, библиотеки); административно-управленческие институты (министерства, ведомства, комиссии); художественно-творческие институты (театры, музеи, музыкальные объединения, концертные залы, художественные галереи, кино, эстрада); финансово-коммерческие организации, рекламные, продюсерские центры; религиозные организации. Однако институциональная структура – лишь формализованная верхушка «айсберга». Важно понимать, что существует еще огромная «подводная» неформализуемая коммуникативная часть интеллектуального пространства, которую формируют ученые и деятели искусства и которая позволяет им максимально продуктивно реализовывать свой творческий потенциал. Именно это сообщество людей, нацеленное

на создание интеллектуально-творческого продукта и связанное определенным коммуникативным полем, мы и называем интеллектуальной средой. Термин «поле» в применении к интеллектуальной среде имеет под собой достаточные основания хотя бы потому, что «интеллектуал» почти так же, как элементарная частица, образно выражаясь, тоже не имеет «массы покоя», то есть существует не в форме отдельной частицы-корпускулы, а в качестве «интеллектуального поля» [Мещеряков, 1974; Теория познания..., 1991]. И если талантами нас наделяет природа, то коммуникативное поле, в пространстве которого формируются, существуют и взаимодействуют эти таланты, есть социальный продукт, создаваемый людьми. Мы можем предположить, что это пространство имеет свою логику развития, как всякая сложно организованная среда, и, несомненно, особенности формирования этого пространства неразрывно связаны с другими общественными подсистемами (экономической, политической, культурной, социальной, информационной). Она не только испытывает воздействие со стороны этих подсистем, но и, в свою очередь, оказывает на них серьезное влияние.

Когда мы говорим о том, что реальным субъектом создания интеллектуально-творческого продукта являются не отдельные индивиды, а люди, погруженные и формирующие в ходе своей деятельности интеллектуальную среду, мы, по существу, говорим о том, что продукт и субъект интеллектуально-творческого труда на самом деле весьма специфичны по своей природе и имеют непосредственно-общественный характер. Интеллектуальная среда – это не просто информационное пространство, окружающее творцов, это коммуникативное пространство-процесс, которое является

важнейшим моментом актуализации творческого акта каждого участника коммуникативной сети. Это не просто сеть обмена готовыми интеллектуальными продуктами, а важнейший фактор самого создания, рождения творческого продукта.

Факторы развития интеллектуальной среды

Существует множество факторов, способствующих развитию интеллектуальной среды. Мы можем говорить и об институциональном аспекте ее организации, и о демографических параметрах ее развития, мы можем рассматривать поколенческий аспект в развитии интеллектуальной среды, информационный фактор и так далее. В данном случае мы остановились на нескольких факторах, которые, на наш взгляд, имеют определяющее значение, а дальнейшее развитие этих исследований вглубь по линии всё более конкретных аспектов, надеемся, будет продолжено.

Фактор автономии

Нужно понимать, что, с одной стороны, интеллектуальная среда – это качественно особая сфера общества, которая обладает определенными существенными чертами, не зависящими от времени и места, то есть чертами, которые в той или иной форме воспроизводятся в каждую эпоху и в любом цивилизационном пространстве. Это те черты, которые характеризуют интеллектуальную среду как *целое*. Они касаются неотчуждаемой природы собственно творческого процесса, непосредственно общественного, коммуникативного характера потребления, воспроизводства и воспроизводства самих акторов творческого труда, универсальной ценности ее значимых про-

дуктов. Одновременно «интеллектуальная среда» есть явление постоянно развивающееся и порой весьма сегментивно, следовательно, проходящее разные стадии развития, то есть воспроизводящее свою сущностную природу в разных формах, зависящих от времени и места. Так, в период европейского Средневековья интеллектуальная среда развивалась преимущественно в рамках церковного пространства, при этом разные ее сегменты, такие как религиозный, научный, образовательный и культурный, были смешаны. В Новое время происходит секуляризация культурного и научно-образовательного полей интеллектуальной среды, институциональное и содержательное размежевание ее сегментов с их последующей структуризацией и специализацией. В настоящий период мы переживаем новый этап интердисциплинарной синергии и переформатирование интеллектуального пространства под влиянием развития новых информационных технологий. В этом смысле она есть целое, пребывающее в постоянной смене *временных и цивилизационных форм*. Однако любая интеллектуальная среда не может развиваться, если в обществе отсутствует необходимое пространство для ее автономии [Bourdieu, 1984]. Масштабы этой автономии и формы ее обеспечения могут быть разными, будь то автономия от церковного диктата, от жесткого бюрократического вмешательства и контроля или от порой не менее агрессивного давления рынка. Существует критический уровень политической и духовной автономии, который должен быть обеспечен и гарантирован как важнейшее условие эффективного развития интеллектуальной среды. Разумеется, эта автономия никогда не была абсолютной, интеллектуальная среда всегда «отвоевывала» это пространство и стремилась его поддерживать и расширять. Как пра-

вило, оно было очень фрагментарным и объединяло включенных в творческий и исследовательский процесс людей и тех, кто был причастен к их финансированию и организации. Это был всегда остров в океане политических ограничений, но тип политического устройства должен был как минимум позволять, допускать существование внутри себя этого острова относительно свободного общения, творчества, обучения, обмена идеями.

Мера открытости

Второй очень важный социально-политический аспект – это аспект равенства возможностей, обеспечиваемый и поддерживаемый достаточно высокой социальной мобильностью. Уровни этого равенства возможностей и масштабы социальной мобильности в разные эпохи могли быть разными, но очевидно, что всегда существовал минимальный порог, недостижимость которого препятствовала развитию интеллектуальной среды и вела к ее деградации. В этом плане можно сравнить первые послереволюционные или послевоенные десятилетия в СССР с высоким уровнем притока свежих сил в образовательное и научное пространство, породившее расцвет науки и искусства, и конец 1970-х – начала 1980-х годов, когда социальная мобильность резко замедлилась и интеллектуальное пространство, по сути, стало принимать «кастовые» формы воспроизводства, при которых дети актеров непременно становились актерами, дети философов – философами, дети врачей – врачами, дети певцов – певцами и т.д. Со временем это привело к стагнации в интеллектуальном пространстве, за которым последовало его дальнейшее агрессивное переформатирование в условиях рыночных реформ 1990-х годов.

Однако неслучайно мы подчеркнули значение «мер» в открытости интеллектуальной среды, поскольку наряду с аспектом мобильности и открытости для развития интеллектуальной среды важную роль играет и обратный момент устойчивости и определенной корпоративности, поскольку доступ в интеллектуальную среду должен быть связан с достижением обществом определенного уровня интеллектуальной готовности в каждый конкретный период. В качестве примера опять же можно привести послереволюционный период, когда на смену смывтой революционной волной интеллигенции царского периода хлынула мощная волна «новых людей», не имеющих достаточного образования, культурной традиции. Всё это привело к временному обеднению культурного пространства, понадобились десятилетия, чтобы доразвить его и дать импульс к дальнейшей эволюции. Сходную ситуацию мы наблюдаем и сегодня, только уже по иной причине, связанной с одной стороны, с коррумпированностью в области присвоения научных степеней, а с другой – с развитием новых медиа- и информационных технологий в целом, открывающих беспрецедентный доступ в публичное пространство лиц, не обремененных особыми знаниями и тиражирующих свое невежество в информационном поле.

Иными словами, интеллектуальная среда не должна быть ни слишком распахнута, ни слишком закрыта. Нахождение этой **меры** социальной открытости и корпоративизма играет важную роль при создании социально-политических условий развития интеллектуальной среды. Это означает, что с социальной точки зрения интеллектуальная среда конституируется как определенный самостоятельный социальный кластер общества, определенным образом соединяющий в себе моменты открытости и устойчивости.

Фактор политической субъективизации

И здесь мы подходим к еще одному важному условию эффективного развития интеллектуальной среды – необходимости ее социальной самоидентификации и политической субъективизации. Выполнение этого условия наиболее сложно, и процесс этот на сегодняшний день не завершен не только потому, что интеллектуальная среда при всей склонности к солидарности представляет собой крайне индивидуализированное сообщество, но еще и потому, что она долгое время развивалась как составная часть других привилегированных социальных кластеров (церкви, буржуазного класса, феодальных групп, ремесленников, военной или служилой бюрократии). Проблема усугублялась тем, что кластеры, в рамках которых вызревала интеллектуальная среда, будь то церковь, аристократия, бюрократия, не только не были ей близки, но, как правило, ей противостояли, конкурировали, а часто даже боролись с ней, представляя серьезную угрозу для ее социально-политической «автономии» [Readings, 1997; Shumar, 1997; Дим, 2004].

Фактор глобальности

Еще одним важным социально-политическим условием эффективного развития интеллектуальной среды является уровень ее включенности в глобальное интеллектуальное пространство. В отличие от других социальных страт интеллектуальная среда, будучи всегда цивилизационно оригинальна и неповторима по форме, на самом деле изначально глобальна по своему содержанию. Феномен Толстого, Шекспира, Менделеева или Данте всегда национален по форме и одновременно глобален по своей значимости и содержанию.

Из этого вытекает одно важное следствие: качество и интегративные возможности того или иного национального сегмента интеллектуальной среды напрямую зависят от ее места в глобальном интеллектуальном пространстве. Чем большее значение имеет тот или иной национальный сегмент в развитии глобальной интеллектуальной среды, тем большими возможностями обладает данная политическая система по интеграции окружающего ее политического пространства [Рубцов, 2021]. Достаточно обратить внимание на то, как нарастали в истории возможности Москвы по интеграции окружающего пространства по мере усиления ее включенности и значимости для глобального пространства и снижались по мере ослабления ее включенности и влияния в рамках глобальной среды. Из относительно недавней истории можно привести в пример роль русского языка и российских вузов в интеграции интеллектуального пространства на территории СССР в советский период и то, что происходит в этом плане сейчас.

Социальные гарантии и социальные преимущества

К чисто социальным аспектам, благоприятствующим развитию интеллектуальной среды, относится также тема развитых и устойчивых социальных гарантий. Поскольку базовая мотивация интеллектуальной деятельности имеет преимущественно непосредственно-общественный характер и не имеет личного обогащения в качестве основного приоритета, для устойчивого развития интеллектуальной среды необходимы эффективные социальные гарантии в виде образования, медицины, пенсионного обеспечения. Неслучайно именно социальные гарантии и преимущества в оплате высококвалифицированного

труда, а также достойный уровень пенсионного обеспечения используются западными странами для вымывания интеллектуальных ресурсов со всего мира, включая Россию и страны постсоветского пространства.

Идеологическая ориентация интеллектуального кластера

Раз уж мы заговорили о политических особенностях развития интеллектуальной среды в том или ином обществе, мы не можем не коснуться вопроса об особенностях идеологической ориентации интеллектуального кластера. Разумеется, эти ориентации очень разнообразны, в разное время и в разных цивилизационных условиях они приобретали разные формы (от религиозных до профанно-коммунистических), но в целом мы можем определить идеологические предпочтения интеллектуалов как направленные на неотчуждаемый тип деятельности, то есть тип деятельности и образ жизни, не предполагающий жесткой прямой зависимости между трудовым вкладом и вознаграждением. Это не означает, что интеллектуалы не готовы ценить свой труд, но это предполагает, что качество их труда стимулируется вознаграждением далеко не в первую очередь. Они «социалисты», как рабочие, но они «индивидуалисты», как буржуа. Они индивидуалисты, как буржуа, но их индивидуализм совсем иного толка, он не разделяет, а объединяет, это индивидуализм не конкурентов, а собеседников – *коммуникативный индивидуализм*. Они бюджетники, как бюрократия, но бюрократия отчуждаема по типу своей деятельности, а они неотчуждаемы. Их идеология сочетает коммунистический принцип неотчуждаемого труда, коммуникативный индивидуализм, непосредственно общественный тип воспроизводства. Их лозунг – гармонизация многообразного. Нам будет яснее видно

своеобразие идеологии этой социальной страты, когда мы рассмотрим следующий фактор развития интеллектуальной среды – экономический.

Экономический фактор развития интеллектуальной среды

Тема экономических факторов, наиболее благоприятных для развития интеллектуальной среды, совсем не так проста, как представляется на первый взгляд. И здесь мы будем исходить из двух моментов. Первый момент будет связан с самой природой интеллектуально-творческой деятельности как главной функцией интеллектуальной среды. А второй – с теми конкретными социально-экономическими условиями, в которых осуществляется эта деятельность в то или иное время. По природе своей интеллектуально-творческая деятельность не предполагает жесткой и необходимой зависимости между трудовым вкладом и вознаграждением [Глинчикова, 1997]. Но в современном обществе *существуют* разные виды производительной деятельности – наряду с творчески-интеллектуальной существует еще и деятельность производительная нетворческого характера. И этот вид деятельности имеет совершенно иную природу. Это вид деятельности, в ходе которой человек не столько реализует и развивает свою индивидуальность, сколько затрачивает свои время и силы на производство какого-либо необходимого для общества уже известного продукта. Это отчуждаемый вид деятельности, который для человека имеет смысл не сам по себе: либо человек производит этот продукт для собственного потребления (натуральное хозяйство), либо он производит его для получения общественной компенсации за деятельность в виде денежного эквивалента. Распространение принципа неза-

висимости вклада от вознаграждения на этот вид деятельности неизбежно принимает форму сверхэксплуатации (либо прямого порабощения, внеэкономического принуждения). В зависимости от уровня экономического развития и уровня разделения труда, на котором находится данное общество, мы можем говорить либо о товарно-денежных, либо о натуральных формах экономической организации этого вида деятельности. В том и другом случае эта деятельность не является самоцелью – носит вынужденный, объективно принудительный характер по отношению к своему субъекту и потому потенциально является отчуждаемой.

И возникает вопрос: как эти два вида деятельности могут взаимодействовать, то есть как экономически должно быть организовано общество, чтобы обеспечить процветание и наиболее гармоничное сосуществование обоих этих видов деятельности в контексте устойчивого развития? Здесь-то и коренится главная проблема. С одной стороны, эти два вида деятельности (отчуждаемой и неотчуждаемой) требуют не просто разных, а прямо противоположных форм организации. Надо понимать, что мы сегодня находимся в беспрецедентной ситуации, поскольку впервые в обозримой истории наиболее развитые страны вышли на уровень, при котором сфера интеллектуально-творческого труда приобретает не только массовый, но иногда и преобладающий характер. И если раньше большая часть общественной деятельности носила отчужденный характер и вполне вписывалась в товарно-денежные формы производства и распределения, а интеллектуально-творческая деятельность была уделом очень небольшой социально-маргинальной группы, пребывавшей зачастую на иждивении господствующих социальных страт, то в современных

условиях неотчуждаемый вид деятельности становится массовым, занимает сопоставимую с отчуждаемым трудом долю общественного времени и это в корне меняет всю экономическую ситуацию [Subramaniam, Youndt, 2005]. В этих условиях универсализация товарно-денежного принципа и его распространение на все виды деятельности становится не вполне адекватной и эффективной. Но и для универсализации непосредственно-общественного социального принципа воспроизводства и обмена условия еще не созрели. Строго говоря, мы находимся в условиях большого общественного транзита от преимущественно отчуждаемого к преимущественно неотчуждаемому типу деятельности, и наша задача состоит в том, чтобы предложить такую модель их сосуществования, которая стимулировала бы дальнейшее сокращение сферы отчуждаемого труда и способствовала бы росту сферы интеллектуально-творческой непосредственно-общественной деятельности. Именно эта ситуация стала причиной появления большого количества литературы, интерпретирующей интеллектуальную среду как особую форму, разновидность капитала, особый нематериальный ресурс корпораций (*human capital, Intellectual capital, intangible asset*), который необходимо встроить, подключить к общекapиталистическому, рыночному стоимостному процессу. Но жизнь свидетельствует о специфичности этой сферы, которая не вписывается в полную мере в традиционные рамки стоимостных механизмов и требует особых форм управления, стимулирования и организации.

С одной стороны, выработка такой модели и стратегии движения к ней – это задача для экономистов. Но не следует забывать, что экономические модели внедряются и реализуются определенными социальными группа-

ми не столько для достижения интересов всего общества в целом, сколько для обеспечения интересов своих социальных групп и кластеров. И здесь, разумеется, экономические и политические преимущества на стороне «старых», уже давно представленных в экономике и политике социальных страт: «буржуазно-предпринимательской», «бюрократически-служилой», «пролетарской», – которые в принципе достаточно комфортно чувствуют себя в рамках отчуждаемых видов деятельности и не видят никакой проблемы в дальнейшей комодификации всех видов общественной деятельности и ее продуктов. Для этих социальных страт наращивание массива интеллектуально-творческой деятельности не только не является целью общественного развития, но представляет определенную угрозу их доминирующему положению в экономике и политике. И они будут противостоять этому процессу как идейно-теоретически, доказывая универсальность и вечность товарно-денежных форм воспроизводства и обмена и централизованно-бюрократических форм управления, так и политически в разных формах: от мягкого консерватизма до прямого насилия, направленного на приведение масштабов интеллектуальной среды в соответствие с потребностями рынка. Поэтому рассчитывать на то, что буржуазный и бюрократический кластеры сами по себе смогут стать главными экономическими и политическими субъектами подобного исторического транзита, к сожалению, не приходится.

Субъектом, способным выполнить эту миссию, может стать только сам социальный кластер, занятый интеллектуально-творческой деятельностью, внутренне интегрированный и оформившийся как самостоятельный политический актор со своей экономической программой, социальными инте-

ресами, новой политической стратегией и местом на политической палитре общества. Будет ли этот социальный кластер противником бюрократических и буржуазных кластеров, будет зависеть от того, насколько он сможет консолидироваться, предложить и отстаивать свою стратегию. В любом случае ему необходимо стать самостоятельным участником политического и экономического процесса и отстаивать свою стратегию в рамках политической конкуренции. То общество, которое захочет выжить и успешно конкурировать с другими обществами в современных технологических условиях, должно будет в целях самосохранения создать внутри себя экономическое и политическое пространство для интеллектуально-творческой социальной страты и включить ее в свой политический процесс. Так мы подошли к третьему важнейшему фактору развития интеллектуальной среды – фактору коммуникативному.

Коммуникативный фактор развития интеллектуальной среды

Нужно понимать, что интеллектуально-творческое пространство – это прежде всего пространство коммуникации. И от того, насколько легки, насколько открыты каналы этой коммуникации, зависит эффективность интеллектуальной среды. У этой коммуникации есть разные уровни.

Есть *временной уровень* коммуникации: это коммуникация с массивом предшествующих поколений и коммуникация внутри сообщества современников. Он предполагает максимально широкие возможности доступа к предшествующим знаниям через сферу образования и приобщения к достигнутому уровню культуры. Чем ниже и уже социальные возможности подобного

доступа, тем бóльшую угрозу представляет данная ситуация для развития интеллектуальной среды. Коммуникация среди сообщества современников также должна обладать существенной открытостью и быть максимально инклюзивной и безопасной.

Пространственный уровень коммуникации включает в себя коммуникацию на уровне микрогрупп: региональную, национальную, глобальную. Он предполагает наиболее широкие возможности для свободного коммуникативного взаимодействия на всех уровнях социального пространства. Всякое искусственное выстраивание препятствий для свободного обмена информацией по разным основаниям ослабляет и разрушает интеллектуальную среду, действует удушающе и деструктивно. Неслучайно в российской литературе последних двух лет такое большое внимание уделяется влиянию санкций на развитие интеллектуального пространства России [Семенов, 2023; Сорокина, Гузов, 2022].

Мы также можем говорить о *содержательном уровне* коммуникации, который предполагает коммуникацию внутри определенного предметного сообщества (сообщество ученых, сообщество писателей, сообщество художников, педагогов, актеров, врачей и других предметных групп) и коммуникацию транс- и кросс-дисциплинарного характера.

Содержательный уровень коммуникации необыкновенно важен, поскольку способствует оформлению научных школ, кристаллизации наиболее значимых результатов творческой деятельности общества в разных областях знания и сфере искусства, формированию интеллектуальных ориентиров, выявлению наиболее перспективных тенденций, формированию конвенциональных установок и форм языка. Трансдисциплинарный уровень комму-

никации способствует росту динамизма интеллектуального пространства, позволяет не застывать в достигнутых рамках, способствует созданию новых форм, новых методологических приемов: всё, что выводит за рамки устоявшегося, раз и навсегда достигнутого, плодотворно влияет на развитие интеллектуальной среды. Освоение разных форм самовыражения, свойственных разным предметным частям интеллектуального пространства, делает его более гибким и эвристичным, способствует развитию творческой интуиции во всех сферах деятельности.

Наконец, не следует забывать и о *когнитивно-семиотическом уровне* коммуникации, который предполагает различные формы коммуникативного взаимодействия: рациональные, эмоциональные, образные, поведенческие, визуальные. Разумеется, эти уровни пересекаются, перекрещиваются и находятся друг с другом в очень сложных отношениях. Более того, можно говорить о том, что в разные эпохи в зависимости от обстоятельств времени и места разные уровни приобретали наиболее существенное значение для развития интеллектуальной среды. Когнитивно-семиотический уровень развития интеллектуальной среды обеспечивает глубинные механизмы ее эффективного развития. На этом уровне формируются не только смыслы, но и их символы, способы их передачи. Часто новые смыслы вначале проявляются в эмоционально-образной, поэтической (лирической) форме, но по мере их созревания, структурирования и осмысления приобретают более структурированные рациональные черты, а потом, на закате своего существования, всё больше погружаясь в противоречия и разлагаясь, вновь приобретают эмоционально-образные, но теперь уже драматические формы выражения. На заре новая эпоха возвещает о себе

в форме поэзии, отструктурированная зрелость выражает себя в рациональных формах, а старость эпохи наилучшим образом воплощается с помощью полифонических текучих образно-драматических форм в виде театра.

Фактор культурной традиции в развитии интеллектуальной среды России

Важнейшей особенностью интеллектуальной среды России является прерывистый путь ее взаимодействия с глобальной интеллектуальной средой, когда периоды жесткой изоляции сменялись периодами внезапной и резкой открытости, за которыми снова следовала эпоха временной изоляции.

В качестве примеров мы можем назвать период христианизации с последующим строго конфессиональным обособлением, период вестернизации в эпоху реформ XVII–XVIII вв. с последующим нарастанием закрытости и тенденций аутентичности в XIX в., пореформенный период XIX в. с ростом возможностей обучения за рубежом и международной кооперации в рамках научных исследований и последующие затем предвоенный и послевоенный периоды закрытости и изоляционизма на идеологической и политической почве, наконец, безграничная открытость периода реформ 1990-х годов, сменившаяся новым изоляционизмом и настороженностью по отношению к глобальному интеллектуальному пространству в настоящих условиях.

Этот прерывистый и *нелинейный тип развития интеллектуальной среды России* прослеживается не только в отношении к глобальной интеллектуальной среде, но и по отношению к своим собственным интеллектуальным корням и традициям. Каждый этап внезапной открытости, как правило, приводил к резкому слову собственной

логики развития интеллектуальной среды России, ее смыслов и форм выражения, порой принимал насильственные и болезненные формы, поэтому неслучайно за каждым из моментов открытости следовал период реакции, переосмысления, попытки «возвращения к корням», но потом снова жизнь выталкивала Россию в глобальное интеллектуальное пространство.

Для такого странного типа включенности России в глобальную интеллектуальную среду были свои причины, также это имело свои последствия. Но, забегаая вперед, мы можем сказать о том, что при всём драматизме и противоречивости такого типа развития он имел несомненные достоинства, главным из которых стал иммунитет против аккультурации. В ходе этого противоречивого и порой очень драматического процесса российский сегмент не только не утрачивал своего интеллектуального своеобразия, но становился реальной и очень значимой, необходимой оригинальной частью глобальной интеллектуальной среды во всех сферах – от науки до искусства.

Другим важным следствием этого процесса стали открытый характер ее определяющих смыслов, очень высокий уровень гибкости и восприимчивости: поскольку российская интеллектуальная среда говорила на ином языке, она постоянно была вынуждена прибегать к коммуникативной экзегезе, постоянно искать и устанавливать соответствие своих смыслов глобальным, тем самым меняя, уточняя и расширяя их значение. Достаточно вспомнить слова А.С. Пушкина о восприимчивости русской культуры, да и сам он при всей своей оригинальности был именно образцом подобной восприимчивости.

Важной особенностью развития интеллектуальной среды России в Новое время стал ее весьма специфический

расколотый характер. В силу особого типа модернизации [Глинчикова, 2007] российская интеллектуальная сфера после XVII в. оказалась расколота на две мало связанные между собой части: 1) народную, хотя и сохранившую аутентичные ценностные черты и элементы преемственности, но отрезанную от глобальной интеллектуальной среды и пронизанную архаическими чертами уходящей эпохи, 2) привилегированную дворянскую, поначалу очень поверхностно европеизированную, без коммуникативной экзегезы смыслов, без сопоставления «своего» и «чужого», просто вторичную и заимствованную. Достаточно вспомнить язык и особенности литературы в России второй половины XVII и XVIII вв.

Подобная европеизация позволила небольшой части русского общества выйти на глобальное интеллектуальное пространство и подключиться к более современным цивилизационным смыслам; однако недостаток этой европеизации (глобализации) состоял в том, что, будучи оторвана от собственных корней, она была формальной, вторичной, поверхностной, не способной ни к глубокому осознанию чужих смыслов, ни к развитию своих оригинальных идей в ходе культурного синтеза. Потребовалось сто лет для того, чтобы в результате очень сложного и драматичного процесса осуществить взаимодействие этих двух частей интеллектуальной среды для того, чтобы в ходе культурного синтеза в начале XIX в. начала развиваться собственная оригинальная интеллектуальная среда русского модерна.

Третья особенность интеллектуальной среды России эпохи модерна связана с ее специфическим отношением к государству и обществу. Надо еще раз оговориться, что все эти три особенности российского интеллектуального кластера оформились именно в эпоху

модерна. В предмодерне тоже была своя специфика, но отличие не носило здесь качественного характера. Итак, начнем с отношения к государству. Модернизация Московского государства, начатая Алексеем Михайловичем и продолженная Петром Первым в XVII–XVIII вв., была проектом власти и носила насильственный характер по отношению к обществу. При этом само общество в целом на том этапе было достаточно активным, динамично развивалось и, в принципе, формировало собственные предпосылки общественной модернизации. Почему движение снизу не нашло понимания и поддержки у модернизаторов сверху? Потому что у них были разные цели. Общественная модернизация предполагала политическую субъективизацию общества и вела в перспективе к конституционализму, институциональному ограничению традиционной монархической власти. Этот процесс в те времена везде приобретал очень жесткие формы физической расправы с правящей династией и ее элитой в виде революции и гражданской войны. Цари же стремились к модернизации с прямо противоположной целью, которая предполагала не столько появление общественных форм контроля за властью, сколько избавление от каких бы то ни было форм контроля за властью вообще и в особенности от контроля за властью со стороны Церкви, которая играла важную роль в легитимации традиционной монархической власти [Глинчикова, 2016]. Эта оригинальная по сравнению с европейской модель модернизации не могла не отразиться на своеобразии сформировавшейся по ее итогам интеллектуальной среды России. Вначале духовное насилие (раскол) [Глинчикова, 2008], затем и политическое (в эпоху Петра Первого), а далее экономическое по существу поработочные общества в эпоху Екатерины Вто-

рой привели к тому, что собственный аутентичный процесс вызревания интеллектуальной среды из глубин промышленного и религиозного кластеров оказался прерван. Общество было принесено в жертву мощи государства, но кто-то же должен был обеспечивать процессы войны и управления этим государством на уровне европейских союзников-противников. Следовательно, государство нуждалось в создании интеллектуальной среды для обеспечения его политических нужд. И поначалу новая интеллектуальная среда формировалась путем прямого импорта интеллектуалов и специалистов из Европы. Но затем, по мере развития процессов модернизации, стало понятно, что для сохранения политического суверенитета необходимо развитие собственной интеллектуальной среды, способной решать совершенно специфические и оригинальные задачи по обеспечению внутреннего и внешнего функционирования суверенного государства. И тут завязывается тот узел противоречий, который в дальнейшем начинает определять природу российской интеллектуальной среды на два последующих столетия. Так, интеллектуальная среда эпохи модерна оказывается обоюдоострым оружием для традиционалистской и патерналистской власти, каковой и стремилась оставаться российская власть. Поэтому отношения интеллектуальной среды и государства в России соединяли в себе высокий уровень взаимозависимости и не менее высокий уровень взаимонастороженности, подозрительности и даже конфликтности. Обратной стороной отношения интеллектуальной среды к власти было отношение интеллектуальной среды к обществу. Интеллектуальный кластер России всегда тяготел к обществу: либо видел в обществе, либо стремился сделать из общества своего союзника в давле-

нии на власть и государство. И говоря объективно, общество и являлось таким союзником, но лишь в той мере, в какой оно было готово политически и экономически субъективизироваться, эмансипироваться и расстаться со своим патерналистским статусом. Однако этому препятствовал сам экономический и политический строй полукolonии-полуимперии, в который была втянута Россия в ходе модернизации. Отсюда проистекал постоянно модернизаторский импульс, направленный на общество со стороны интеллектуального кластера, вызывающий, в свою очередь, настороженность патерналистски ориентированной власти и тревогу и непонимание со стороны традиционалистски ориентированного общества.

Двойственный характер глобальной интеллектуальной среды: национальное и глобальное

Надо понимать, что интеллектуальная среда по своей природе двойственна, и эту двойственность необходимо учитывать при формировании эффективной стратегии ее развития. Двойственность состоит в том, что она одновременно и национальна, и глобальна. Причем эти два аспекта интеллектуальной среды слиты, неотделимы друг от друга. Она глобальна и всеобща по своей сущности и природе, то есть не имеет границ с точки зрения значимости ее продуктов и проблем. Но она национальна (локальна) по условиям и характеру их формирования, по той конкретной форме, которую принимают эти продукты.

Каждое сообщество старается формировать свой ответ на вызовы глобально возникающих проблем в сфере технологий, научного либо художественного творчества, исходя из соци-

ально-политических, экономических и культурно-цивилизационных возможностей (и потребностей) своего сегмента глобальной интеллектуальной среды. При этом само это многообразие сегментов, как, впрочем, всякое разнообразие, создает и угрозы, и беспрецедентные возможности для ее развития.

Плюсы сегментивности связаны с культурным многообразием, которое порождает богатство смыслов, неповторимость и оригинальность форм, подходов, приемов, культурных традиций и навыков. Всякая одномерность обедняет интеллектуальную среду, разрушает ее. Кроме того, разнообразие служит благодатной почвой для плодотворного взаимодействия и симбиоза культур, для того самого культурного синтеза, из которого рождаются шедевры и новые формы. Однако процесс культурного синтеза не так прост, как может показаться на первый взгляд. При своем взаимодействии культуры проходят сложный путь от узнавания, взаимного отторжения, противостояния, соперничества, освоения, интерпретации до взаимоизменения и, наконец, синтеза, знаменующего собой рождение совершенно нового уникального общезначимого культурного феномена. И, надо сказать, далеко не всякая встреча культур приводит к плодотворному культурному синтезу. Бывает и так, что происходит аннигиляция одной культуры другой, а бывает и прямое уничтожение, целенаправленное разрушение одной культуры со стороны более сильного контрагента.

Современный конфликт – это прежде всего конфликт по поводу типа, вектора глобального постиндустриального развития. Основными его факторами, форма развития которых будет определяться в ходе противостояния, станут интеллектуальная среда и характер ее распространения в глобальном пространстве.

И здесь возможны два вектора: интегративный и сегментивный. Сегментивный вектор призван сохранить и усилить нынешнее неравенство мира в области возможностей развития человеческого потенциала и одновременно поставить интеллектуальный сектор на службу капитала и ВПК. Его идеология будет всё больше утрачивать либерально-демократический характер и наращивать авторитарно-расистский компонент. Это путь консервации индустриальной модели и, по существу, превращения постиндустриального сектора в своеобразный источник социально-экономических «стволовых клеток» для искусственного продления жизни устаревшей социально-экономической модели. И дело здесь не просто в аморальности этой стратегии – этот путь уже в обозримом будущем ведет в тупик, «райский сад» с необходимостью будет сокращаться и обречен на вымирание. Этот путь менее перспективен с точки зрения выживания и развития человечества, но легче осуществим, поскольку вписывается в уже сложившуюся социально-экономическую парадигму с его ныне действующими экономическими и политическими акторами и ценностями.

Есть и иной вариант – интегративный. Он предполагает два фактора. Первый – это путь усиления глобальной равномерности развития интеллектуальной среды при усилении ее сегментивного разнообразия и нарастании ее коммуникативных связей. Он более перспективен с точки зрения дальнейшего прогресса и выживания человечества, поскольку предполагает выход за рамки устаревшей социально-экономической и политической индустриальной модели и дает простор для развития нового типа общества с опорой на глобальное интеллектуальное пространство. Но по этой же причине он и более сложен в осуществлении,

поскольку требует смены ведущих акторов социально-политического процесса и превращения интеллектуальной среды в самостоятельного актора, а также превращения ее социального расширения и глобализации в определяющую цель общественного развития. Обстоятельства складываются таким образом, что интересы дальнейшего развития, а возможно, и выживания интеллектуальной среды России напрямую связаны со стратегией в рамках второго пути.

Список литературы

- Аузан А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. – 2017. – Т. 2, № 168. – С. 4–10.
- Беляков С.А., Клячко Т.Л. Российское высшее образование: модели и сценарии развития. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 313 с.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – Москва : Наука, 1991. – 270 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва : Лабиринт, 1996. – 414 с.
- Глинчикова А.Г. Метаморфоза западной идеи «естественного права» в политической концепции Феофана Прокоповича // Локус: люди, общество, культура, смыслы. – 2016. – № 3. – С. 78–92.
- Глинчикова А.Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 38–56.
- Глинчикова А.Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 3–15.
- Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? – Москва : Культурная революция, 2008. – 384 с.
- Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
- Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. – 2004. – № 3. – С. 44–56.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика : очерки истории и теории. Изд. 2-е, доп. – Москва : Изд-во политической литературы, 1984. – 318 с.
- Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–132.
- Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. – Москва : Педагогика, 1974. – 327 с.
- Рубцов А.В. Модели цивилизационного развития в контекстах универсального дискурса // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 128–172.
- Сапиро Ж. Интеллектуальные профессии между государством, предпринимательством и промышленностью // Символическая власть. Социальные науки и политика : сборник / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – Москва : Университетская книга, 2011. – С. 97–126.
- Семенов Е.В. Национальная сеть научных журналов как система: проблемы до и после санкций // Мир России. – 2023. – Т. 32, № 3. – С. 145–166.
- Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Гуманитарное импортозамещение: что стоит за исключением России из Болонского процесса? // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 57–67.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 386 с.
- Теория познания: в 4 т. Том 2 : Социально-культурная природа познания / В.А. Лекторский, В.С. Швырев, А.М. Коршунов, В.Г. Табачковский,

Г.С. Батищев. – Москва : Мысль, 1991. – 479 с.

Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. – 2012. – Выпуск 41. – С. 108–138.

Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. – Москва : Дело, 2021. – 382 с.

Barnes B. Interests and the Growth of Knowledge (RLE Social Theory). – [S. l.] : Routledge, 2014. – 122 p.

Bell D. The cultural contradictions of capitalism // The Journal of Aesthetic Education. – 1972. – Vol. 6, N 1/2. – P. 11–38.

Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. – [S. l.] : Anchor, 1967. – 219 p.

Bourdieu P. Homo Academicus. – Stanford : Stanford University Press, 1984. – Xxiv, 344 p.

Castells M. End of millennium. 2nd ed. – [S. l.] : Wiley-Blackwall, 2010. – Xxx, 456 p.

Fleck L. Genesis and development of a scientific fact. – Chicago : University of Chicago Press, 1981. – 222 p.

Foucault M. Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / Ed. by C. Gordon. – New York : Pantheon Books, 1980. – 271 p.

Gitlin T. The intellectuals and the flag. – New York : Columbia University Press, 2007. – 192 p.

Johnson P. Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky. – New York, London : Harper Perennial, 2007. – 416 p.

Knowledge and reflexivity: New frontiers in the sociology of knowledge

/ Ed. by Woolgar S.E.; With one exception, the chapters in this volume originated as papers presented at a series of meetings known as 'Discourse Analysis' workshops. – [S. l.] : Sage Publications, 1988. – 224 p.

Luhmann N. The Cognitive Program of Constructivism and a Reality that Remains Unknown // Ed. by W. Krohn, G. Küppers, H. Nowotny. Selforganization. Sociology of the Sciences. – Dordrecht : Springer, 1990. – P. 64–85.

Readings B. The university in ruins. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997. – 256 p.

Rubin M.R., Huber M.T., Taylor E.L. The knowledge industry in the United States, 1960–1980. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1986. – Xvi, 213 p.

Shumar W. College for sale: A critique of the commodification of higher education. – [S. l.] : Psychology Press, 1997. – 220 p.

Stehr N. Modern Societies as Knowledge Societies // Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge / Ed. by M.T. Adolf. – [S. l.] : Springer International Publishing, 2018. – P. 309–331.

Subramaniam M., Youndt M.A. The influence of intellectual capital on the types of innovative capabilities // Academy of Management Journal. – 2005. – Vol. 48, N 3. – P. 450–463.

Webster F. Theories of the information society. 4th ed. – [S. l.] : Routledge, 2014. – 416 p.

Worsley P.M. Emile Durkheim's theory of knowledge // The Sociological Review. – 1956. – Vol. 4, N 1. – P. 47–62.

Culture and Identity

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Intellectual Environment as an Object for Research: Factors of Development and Points of Vulnerability

Alla G. GLINCHIKOVA

Dr. Sc. (Political Sciences), Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: alla.glinchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4198-2018

CITATION: Glinchikova A.G. (2023). Intellectual Environment as an Object for Research: Factors of Development and Points of Vulnerability. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 146–166 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Received: 09.10.2023.

Revised: 27.11.2023.

ABSTRACT. *The article reveals the concept of intellectual environment as a community of people aimed at creating an intellectual and creative product and connected by a certain communication field. This community is considered as a cumulative subject of an innovative product, as a part of the public space, responsible for production, exchange, distribution and reproduction of intellectual resources. The article provides an overview of existing approaches and concepts used to study this phenomenon, such as «epistemic community», «intellectual milieu», «knowledge society», «information society», «knowledge economy», «free-floating intelligentsia», «human capital», «intellectual capital», etc. The basic factors contributing to the effective development of the intellectual environment are considered: socio-political, economic, communicative, socio-cultural ones. Particular attention is paid to the specifics of the Russian tradition of the intellectual environment formation,*

revealing the discontinuous and non-linear type of its evolution both in the relation to the global intellectual environment and in relation to its own intellectual roots and tradition. The specific dual nature of the intellectual field of Russia, associated with the peculiarities of its modernization process, is emphasized. In conclusion, the idea about two possible vectors for the development of the global intellectual environment: segmental and integrative is expressed as an important dilemma of modern international politics.

KEYWORDS: *intellectual environment, intellectual milieu, intellectual field, intellectual capital, global intellectual environment, segmental type of development, integrative type of development, intellectual environment of Russia, factors of the development of the intellectual environment, intellectual product, cultural tradition.*

References

- Auzan A. (2017). Sociocultural economics. *Science and Innovation*. Vol. 2, no. 168, pp. 4–10 (in Russian).
- Barnes B. (2014). *Interests and the Growth of Knowledge (RLE Social Theory)*. S. l.: Routledge, 122 pp.
- Bell D. (1972). The cultural contradictions of capitalism. *The Journal of Aesthetic Education*. Vol. 6, no. 1/2, pp. 11–38.
- Belyakov S.A., Klyachko T.L. (2013). *Russian Higher Education: Models and Development Scenarios*. Moscow, Publishing House «Delo», RANEPa, 313 pp. (in Russian).
- Berger P.L., Luckmann T. (1967). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. S. l.: Anchor, 219 pp.
- Bourdieu P. (1984). *Homo Academicus*. Stanford: Stanford University Press, xxiv, 344 pp.
- Castells M. (2010). *End of Millennium*. 2nd ed. S. l.: Wiley-Blackwall, xxx, 456 pp.
- Diligensky G.G. (2002). *Middle Class People*. Moscow: Institut Fonda “Obschestvennoye mneniye”, 285 pp. (in Russian).
- Dim R. (2004). «New managerialism» and higher education: managing quality and productivity in UK universities. *Issues in Education*. No. 3, pp. 44–56 (in Russian).
- Fadeeva L.A. (2012). Discussions about intellectuals in the context of the political history of the West. *Dialogue with Time*. Issue 41, pp. 108–138 (in Russian).
- Fleck L. (1981). *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago: University of Chicago Press, 222 pp.
- Foucault M. (1980). *Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. Ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 271 pp.
- Fuller S. (2021). *The Sociology of Intellectual Life: Careers of the Mind Inside and Outside the Academy*. Moscow: Delo, 382 pp. (translation into Russian).
- Gitlin T. (2007). *The Intellectuals and the Flag*. New York: Columbia University Press, 192 pp.
- Glinchikova A.G. (1997). Can an intellectual and the product of his labor be a commodity? *Voprosy Filosofii*. No. 3, pp. 3–15 (in Russian).
- Glinchikova A.G. (2007). Modernity and Russia. *Voprosy Filosofii*. No. 6, pp. 38–56 (in Russian).
- Glinchikova A.G. (2008). «Raskol» or *Disruption of the «Russian Reformation»?* Moscow: Cultural revolution, 384 pp. (in Russian).
- Glinchikova A.G. (2016). Metamorphosis of the Western idea of «natural law» in the political concept of Feofan Prokopovich. *Locus: people, society, cultures, meanings*. No. 3, pp. 78–92 (in Russian).
- Ilyenkov E.V. (1984). *Dialectical Logic*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 318 pp.
- Johnson P. (2007). *Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky*. New York, London: Harper Perennial, 416 pp.
- Knowledge and Flexibility... (1988). Woolgar S.E. (ed.) *Knowledge and Reflexivity: New Frontiers in the Sociology of Knowledge*. With one exception, the chapters in this volume originated as papers presented at a series of meetings known as 'Discourse Analysis' workshops. S. l.: Sage Publications, 224 pp.
- Lotman Yu.M. (1992). Semiotics of culture and the concept of text. In: Lotman Yu.M. *Selected Articles*. Vol. 1. Tallinn: Alexandra, pp. 129–132 (in Russian).
- Luhmann N. (1990). The Cognitive Program of Constructivism and a Reality that Remains Unknown. In: Krohn W., Küppers G., Nowotny H. (eds.). *Selforganization. Sociology of the Sciences*. Dordrecht: Springer, pp. 64–85.
- Meshcheryakov A.I. (1974). *Deaf-blind Children*. Moscow: 327 pp.

Readings B. (1997). *The University in Ruins*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 256 pp.

Rubin M.R., Huber M.T., Taylor E.L. (1986). *The Knowledge Industry in the United States, 1960–1980*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, xvi, 213 pp.

Rubtsov A.V. (2021). Models of civilizational development in the contexts of universal discourse. *Problems of Civilizational Development*. Vol. 3, no. 1. pp. 128–172 (in Russian).

Sapiro J. (2011). Intellectual professions between the state, entrepreneurship and industry. In: Shmatko N.A. (ed.). *Symbolic Power. Social Sciences and Politics*. Moscow: Universitetskaya kniga, pp. 97–126.

Semenov E.V. (2023). The national network of scientific journals as a system: problems before and after sanctions. *Universe of Russia*. Vol. 32, no. 3, pp. 145–166 (in Russian).

Shumar W. (1997). *College for Sale: A Critique of the Commodification of Higher Education*. S. l.: Psychology Press, 220 pp.

Sorina G.V., Gurov F.N. (2022). Humanitarian import substitution: what is worth excluding Russia from the Bologna process? *Siberian Philosophical Journal*. Vol. 20, no. 2, pp. 57–67 (in Russian).

Sosloviye... (2013). Vishlenkova E.A., Savelyeva I.M. (eds.). *The Class of Russian*

Professors. Creators of Statuses and Meanings. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 386 pp. (in Russian).

Stehr N. (2018). Modern Societies as Knowledge Societies. In: Adolf M.T. (ed.). *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*. S. l.: Springer International Publishing, pp. 309–331.

Subramaniam M., Youndt M.A. (2005). The influence of intellectual capital on the types of innovative capabilities. *Academy of Management Journal*. Vol. 48, no. 3, pp. 450–463.

Teoriya poznaniya... (1991). Lektorskiy V.A. et al. (eds.). *Theory of Cognition*. In four volumes. Vol. 2. The socio-cultural nature of cognition. Moscow: Mysl', 479 pp. (in Russian).

Vernadsky V.I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka, 270 pp. (in Russian).

Vygotsky L.S. (1996). *Thinking and Speech*. Moscow: Labirint, 414 pp. (in Russian).

Webster F. (2014). *Theories of the Information Society*. 4th ed. S. l.: Routledge, 2014. 416 pp.

Worsley P.M. (1956). Emile Durkheim's theory of knowledge. *The Sociological Review*. Vol. 4, no. 1, pp. 47–62.